

ЧАСТЬ VI. ВСЁ СХОДИТСЯ

Пролог

Агартха

Один из главных деятелей Третьего рейха и нацистской партии рейхсфюрер СС и рейхсминистр внутренних дел, военный преступник Генрих Гиммлер, с детства верил в мистические идеи и оккультные теории. С получением высоких властных постов этот интерес, а также возможности его реализации только усиливались.

Именно он, второй человек в Рейхе, основал в 1935-м «Аненербе» – «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики». Многие разгадки сложных вопросов мироздания Гиммлер, с помощью СС и «Аненербе», искал... в Гималаях.

Почему там? Ну как же! В Гималаях вечный лёд, всемирный лёд. А лёд – один из первоэлементов природы, из него созданы и планеты, и спутники, и эфир. Предки арийцев, нордические сверхлюди, появились на свет именно в вечных снегах. Лёд дал им силу и чистоту. Но в какой-то момент Луна, тоже созданная из льда, врезалась в Землю. На планете резко потеплело, лёд растаял, и человечество погибло. Но истинные арийцы смогли выжить, причём только в Гималаях. Таким образом, теория всемирного льда – это не что иное, как истинно арийская альтернатива «еврейской теории относительности». И нужно искать её подтверждение в стране гор и льдов.

В декабре 1938-го немецкая экспедиция пересекла границу Тибета, а после Нового года вошла в священную столицу Тибета – Лхасу, где состоялась «встреча западной и восточной свастики». Контакты с тибетскими ламами превратились в череду празднеств с обильными возлияниями. «Пиво лилось рекой, а граммофон играл немецкие песни», – писал современный историк.

Однако посланники фюрера пришли сюда вовсе не за этим. Во второй половине 30-х годов руководство Германии не определилось полностью, с кем будет воевать. Один из планов состоял в том, чтобы при поддержке СССР вторгнуться в британскую Индию, лишить англичан ценнейшей колонии, а затем добить их на родных островах. Немцы пришли посоветоваться с ламами по поводу реализации своего замысла. Ламы были польщены таким вниманием. Правитель Тибета Радренг Ринпоче написал послание «его светлости господину Гитлеру» и отправил ему подарки: легендарную собаку гор – тибетского мастифа, золотую монету и мантию далай-ламы. В августе 39-го экспедиция вернулась в Германию.

Ходили слухи, что тибетские щедроты коснулись и Гиммлера: путешественники привезли ему эликсир бессмертия. В мае 1945-го, после пленения, рейхсфюрер выпил снадобье – тогда все решили, что это яд, и он смертельно отравился; на самом деле нацист не умер, а сбежал – то ли в Южную Америку, то ли... на другую планету.

Но имелись и факты. 26 февраля 1945 года в Непал прибыла экспедиция «Аненербе». Её участники имели английские паспорта, везли с собой два ящика британских фунтов, золотые слитки и бриллианты. Чиновники короля Трибхувана получили солидное вознаграждение за то, что не доложили британской миссии о гостях из СС. А нацисты, маскируясь под англичан, наняли сотни местных жителей для раскопок подземелий старинного храма Сваямбунатха в Катманду. При этом «Аненербе» использовало карты, привезённые из экспедиции 1939 года. Согласно им, как раз под храмом расположен вход в древнюю мифическую страну Агартху.

Агартха, по представлениям буддистов, – это подземный мир, в котором древнейшая раса управляет судьбами всего человечества. В Агартхе имеется зеркальный зал тысячи дверей, и каждая дверь олицетворяет определённый год: войдя в неё, можно быстро перенестись в прошлое. Если человек откроет одну из дверей Агартхи, он не вернётся обратно живым – в прошлом появится лишь его труп. Зато таким образом можно передать письмо...

Немецкие «археологи» намеревались решить две задачи. Первая – доставить в Берлин воду из «фонтана бессмертия», который находится в Агартхе. Вторая – направить в прошлое сообщение, чтобы Германия не атаковала СССР 22 июня 1941 года, иначе это приведёт к краху Рейха.

Учёные «Аненербе» полтора месяца вели раскопки в Катманду, но их результаты остались неизвестными и в XXI веке. Затем немцы направились на границу с Тибетом и попросту исчезли, растворились в Гималаях. Однако архивистам оказались доступны сведения об одном из исследователей «Аненербе» в Непале – учёном Петере Ауфшнайтере. С 1929 года этот опытный картограф участвовал в тайных изысканиях СС в Индии и Непале. В январе 46-го Ауфшнайтер, единственный уцелевший из всей группы, неожиданно объявился в Лхасе. Картограф живёт в Тибете, а затем, после вторжения сюда китайских войск в 1952-м, перебирается в Индию, потом в Непал, получает местное гражданство и двадцать лет, вместе с «проверенными людьми», продолжает работы в этих странах.

Всю жизнь Петер хранил молчание о делах 45-го и лишь один раз, незадолго до своей смерти в 1973-м, когда уже вернулся в Австрию, упомянул о сотрудничестве с секретным отрядом СС «Чёрный орёл», который выполнял в Катманду в конце войны задание Гиммлера. О сути задания Ауфшнайтер говорил так: «Рейхсфюрера интересовало, есть ли шанс повернуть время вспять в вопросе войны с Россией»...

Ещё один тесно связанный с Гималаями немец, Пауль Бауэр, не был ни мистиком, ни нацистом. С началом Первой мировой войны он добровольцем ушёл на фронт, а конец войны провёл в английском плену. По возвращении из плена учился в Мюнхене на специалиста в области права, во время учёбы увлёкся альпинизмом.

В 1928 году Пауль возглавил первую послевоенную немецкую экспедицию на Кавказ, где штурмовал вершины и налаживал дружеские связи с советскими альпинистами. В 30-х руководил или участвовал в пяти немецких гималайских экспедициях на восьмитысячники Канченджанга и Нанга-Парбат. Сумел достичь высоты 7700 метров.

Почётный член Австрийского и Гималайского альпинистских клубов, обладатель золотой медали X летних Олимпийских игр в Лос-Анджелесе за книгу «Битва за Гималаи», Пауль Бауэр стал основателем и руководителем Германского гималайского фонда. А Петер Ауфшнайтер совершал экспедиции вместе с Бауэром.

С началом Второй мировой войны Пауля Бауэра назначили руководителем военной школы горно-стрелковой подготовки в Австрии, а в 1942–1943-м в звании майора он командовал горно-стрелковым батальоном и участвовал в боях на территориях СССР – Центральном и Западном Кавказе...

Всё сходится.

Предыдущее

Немецкие парни

Непогода в горах... Ох, уж эта непогода! Хуже нет ничего. Уж не помню, рассказывал или нет о ситуации, когда, например, группа альпинистов идёт на восхождение, а товарищи – остающиеся в лагере или встретившиеся на маршруте – желают ей, представьте себе, не удачи, не успешного штурма, а... погоды. Так и говорят, прощаясь и напутствуя: «Погоды!» Всё прочее, мол, приложится.

Я точно рассказывал про шаровую молнию и про то, как бард Юра сочинял в кавказском альплагере «Узункол» песню «Непогода в горах, непогода...». А Гималаи что, исключение? Как бы не так: они, скорее, правило. И вот опять непогода.

Слава богу, что мы не штурмуем Эверест или Лхоцзе. Мы вообще ничего не штурмуем. Мы с товарищами пришли в уже известный читателю район Аннапурны – первого восьмитысячника, взятого человеком, французом Морисом, в далёком 1950 году. На Аннапурну – ни на главную, ни на Южную – мы тоже не собираемся. Достигли базового лагеря священной вершины Мачипучаре на 3700 метров и... стоп: всё заволокло туманом, непрерывно валит снег. Можно, конечно, повернуть назад. Некоторые опасности в этом случае подстерегают, но уж точно не смертельные. Однако задача-то у нас совсем другая. Она заключается в том, чтобы добраться до базового лагеря Аннапурны – ABC – на высоте 4200 и посмотреть на великолепный цирк с панорамой «семейства» одноимённых вершин. Идти-то до ABC с нашей стоянки всего два часа; ну, ладно, в непогоду три или четыре, но что толку: никакого цирка и вообще ничего не увидишь. Так что ждём. Чего? Чего же ещё – погоды.

Время у нас есть. Резервные дни на гималайских трекингах и клаймингах всегда закладываются, так что суток трое можем просидеть под Мачипучаре спокойно. А чего ж не посидеть? Тут не палатки, тут лоджи с хозяйской обслугой, печкой, газом, готовкой, кроватями и тёплыми одеялами. Здесь виски, кукри-ром и даже французские вина, которых в 90-е не было, а в 2000-е появились. Здесь путешественники.

Надо обязательно сказать об одной любопытной детали, с которой связаны подобные «сидения». Вот ты пришёл в лоджи для того, чтобы покушать, переночевать, а на другой день двигаться дальше. И пусть в это время будет много народу со всех континентов мира, но знакомиться тебе с этим народом особенно некогда за хлопотами, да и незачем. Другое дело, когда ты пережидаешь два-три-четыре дня. Контингент один и тот же, никто никуда не торопится, ты начинаешь узнавать людей в лицо, потом наблюдать за их действиями, а далее естественным порядком происходит знакомство. Ну, помните, как случилось с кумари? Во-от. И здесь то же самое.

Народу в лоджи, помимо нас, человек пятнадцать. Внимание привлекает тройка немцев: один в возрасте за шестьдесят, другой – лет на десять помоложе, а третий совсем молодой. Они достают какие-то тетрадки, карты, фотографии и ведут обстоятельный разговор, не похожий на ленивую беседу с целью скоротать часы. Интересно, о чём? Знакомство вряд ли получится, поскольку никто из нас не говорит по-немецки. Однако вскоре – всё ж на виду, в одной кают-компании – выясняется, что они могут общаться и по-английски; а главное – что третий, самый молодой, вообще русский гид, подрабатывающий и в немецких Альпах, и на нашем Кавказе, и в Гималаях.

А потом меня резануло слово, отчётливо и несколько раз произнесённое слово «Эльбрус». Пусть ничего и не понимая, я стал прислушиваться, приглядываться и – ба! Либо во сне, либо наяву, но одного из немцев я точно видел. Но когда и где? А-а-а! В 1992-м, на этом самом Эльбрусе...

Читателю уже знаком Володя-старший – хотя бы по приключениям с шаровой молнией. Опытный клаймер, он всегда отличался способностью придумывать не только восхождения, но и целые альпинистские проекты. Очередной из них вызрел к лету 1992-го: почему бы к 50-летию военных событий в горах Кавказа не встретиться ветеранам обеих сторон на Эльбрусе и не пожать друг другу руки?! Пусть с ними приедут дети и внуки, чтобы было кому продолжать традицию. И пусть эта акция – её назвали «Эльбрусиадой примирения» – станет примером поколениям сегодняшним и будущим.

Заработал организационный механизм. Пользуясь давними связями московских альпинистов с Баварией, провели переговоры с немцами, и те приняли идею на «ура». Презентация проекта

прошла в Москве, в Доме дружбы народов, под специально выученные бардами Олегом Митяевым и Костей Тарасовым альпинистские песни; потом в Мюнхене, и вот уже готова программа, пик которой приходится на 18 августа 1992 года. В этот день по пятьдесят человек с каждой стороны должны взойти на Эльбрус и установить на его вершине флаги России и Германии.

Надо ли полагать, что немцы забыли о событиях полувековой давности, а мы их вроде как разбудили? Нет, разговоры в ветеранских организациях Баварии шли давно. Не о помпезном восхождении и, конечно, не о флагах на вершине – о том, что у новой России большие экономические трудности, что в Приэльбрусье до сих пор есть объекты, не восстановленные после войны, а значит, надо помочь. Собирали деньги. И тут, как нельзя кстати, пришла идея «Эльбрусиады примирения».

А что случилось именно в эти августовские дни 50 лет назад, есть ли расшифровка туманной фразы «военные события»? Да, есть. 17 августа 1942 года группа немецких альпинистов, руководимая гауптманом 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Хайнцем Гротом, вышла на перевал Хотю-Тау...

Всего три года назад гауптмана звали по-другому – Генрих. Он жил в Баксанском ущелье, в Терсколе, и работал горным инженером на молибденовом руднике в Тырныаузе. Учил русский язык, делал «любительские» зарисовки местности, поднимался на Эльбрус... Я обещал напомнить про то, как «до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою». Вот и пришло время напомнить. О том, что немецкий парень Хайнц-Генрих брал кавказские вершины в 39-м. С «тобою». А также со своими немецкими товарищами – «инженерами» и альпинистами. Теперь, в 42-м, он тоже стоял на перевале Хотю-Тау, откуда виден Приют Одиннадцати – туристическая гостиница на высоте 4200 метров, на отлично выверенных немецких картах его давно обозначили как Elbrushaus. От Приюта идёт крутая, но понятная и проходимая снежно-ледовая тропа на двуглавый Эльбрус. И «свой автомат готовил к бою» теперь просто Хайнц. Но потом...

В советское время многие ветераны кавказской кампании об этом эпизоде знали, но доступные источники информации рассказывали о нём как-то неохотно. Ну да, взял Хайнц Грот в руки белое полотенце и пошёл на Приют – один и без оружия. Там, на метеостанции рядом с Приютом, вроде бы находились несколько метеорологов, которые свою базу покинули – буднично и совсем не драматично. А немцы заняли хижину, без схваток и даже конфликтов. И 21 августа водрузили на Эльбрусе флаги... Вопросы есть? Есть. А наши военные что?

На станции эльбрусской канатной дороги «Мир», на высоте 3500 метров, расположился Музей обороны Приэльбрусья. В материалах музея про историю с Приютом и флагами говорилось следующее:

«Зимой 1942/43 гг. альпинисты – участники обороны Кавказа помогли нашим войскам сбить упорно оборонявшегося врага с Приюта Одиннадцати... Фашисты отбили две атаки советских войск. Третьего удара гитлеровцы не выдержали и начали поспешный отход от Главного хребта...»

Вообще в музее имелось немало подробной информации о героизме наших бойцов на Кавказе. В том числе о том, как доблестные отряды советских альпинистов снимали с вершин фашистские флаги. В музее не хватало информации о том, чем занимались в это время немцы...

А происходило вот что. Когда в 1942-м «немецкий парень» пришёл сюда опять, он встретился уже не «с тобою» – подготовленным альпинистом. Хотя встреча «с тобою» вполне могла состояться, поскольку к началу войны на территории СССР действовало сорок альплагерей, где ежегодно проходили подготовку до 30 тысяч спортсменов. Однако вместо «тебя» пришли совсем другие – неподготовленные. Альпинистов не регистрировали по особой военно-учётной специальности и с объявлением мобилизации стали призывать в армию на общих основаниях, они оказались рассеянными по разным фронтам и широтам. Если кто и попал в горные соединения, то абсолютно случайно.

В Приэльбрусье же вошла 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» генерал-лейтенанта Хуберта Ланца. Она комплектовалась исключительно из альпинистов, горнолыжников, горных стрелков, имевших опыт ведения боевых действий в горах; оснащались приспособленным для горной местности снаряжением и числились в ряду элитных соединений немецкой армии. Это были *лучшие*, отобранные из многих германских, австрийских, итальянских альпинистов бойцы, *все* с опытом восхождений альпийских, кавказских, как «немецкий парень» Хайнц-Генрих с товарищами, а иные – как мы дальше увидим – и гималайских. Это были егеря – горный спецназ Вермахта.

Взять даже самого командира дивизии. С 1936-го Хуберт тоже числился «немецким парнем», осваивавшим горы Кавказа. Говорил по-русски, свободно ориентировался на местности, совершал восхождения, знал перевалы и охотничьи тропы, заводил кунаков. Позже получил специальное звание генерала *горных* войск.

Кто противостоял «немецким парням»? Части Красной армии, по названию горнострелковые, а на деле непригодные для войны в горах. Отличие их от обычных воинских формирований заключалось лишь в том, что автомобильный транспорт частично заменялся на вьючный, а артиллерийское вооружение было несколько облегчённым. Необходимая горная подготовка, снаряжение в этих соединениях отсутствовали. Полбеда, если необученные парни погибали в немногочисленных боях, но нередко дело не доходило и до боя: замерзали, проваливались в трещины, задыхались в лавинах.

Что же касается экипировки немецких егерей, то приведу некоторые детали из многих: у них – лёгкие альпийские ботинки, подкованные триконьями – стальными зубчатыми набойками – на подошву для передвижения по льду; на ногах советских солдат – кирзовые сапоги, в подошвы которых для устойчивости на скользком рельефе вворачивались шурупы и забивались обычные гвозди.

У немцев – ледорубы, у наших, в лучшем случае, – лыжные палки.

Егерям выдавались индивидуальные спиртовые кухни, примусы, тёмные очки. Солдаты обеспечивались специальным высококалорийным питанием. У красноармейцев этого не было.

В 42-м наступило «прозрение». По личному приказу заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР Лаврентия Берии на Закавказский фронт стали собирать альпинистов со всей Красной армии. Они приступили к боевой горной подготовке солдат и командиров. Берия также добился отмены приказа Иосифа Сталина о запрете призыва в армию горцев-сванов, что оправдало себя: сваны оказались отличными проводниками и разведчиками. В ноябре 42-го в грузинском посёлке Бакуриани открыли Школу военного альпинизма и горнолыжного дела, где преподавал уже знакомый читателю Виталий Абалаков. Помимо этого, в Казахстане и Киргизии начали работать 26 специальных военно-учебных пунктов горной подготовки.

Короче говоря, развернулась обычная история: гром грянул – русский мужик перекрестился. Жаль, поздно: наши упустили время, а немцы прочно встали на ряде ключевых перевалов...

Зачем я так далеко ушёл от Непала? А затем, что одним из немцев, встреченных мной под Аннапурной, оказался Томас, сын Хайнца Грота. С Эльбрусом связан сам факт рождения Томаса: он был зачат ровно тогда, когда гауптман за свою громкую акцию с флагами получил отпуск на родину. В семье Томаса так и звали – «Эльбрус кнабе», что означает «Эльбрусский мальчик». Именно его я видел на «Эльбрусиаде примирения», но вот познакомиться и расспросить подробно тогда не пришлось. Личность второго немецкого собеседника в АВС... пока не раскрою.

Да, с Томасом я в 92-м не беседовал. Зато общался с самими ветеранами горной дивизии Вермахта. Старички под восемьдесят, с орлиными перьями на шляпах, шевронами «Эдельвейс», в гетрах и с длинными, военных времён, ледорубами на деревянных ручках, держались бодро и... скромно. Искренне *не* гордились военными подвигами, а, напротив, то и дело повторяли: «Мы очень виноваты перед вами». Но невозможно было скрыть, утаить то, что в 42-м даже через маленькие окошки Приюта Одиннадцати отлично просматривались все близлежащие склоны и что попытки взятия советскими бойцами Приюта подавлялись пулемётным огнём. За пулемётами сидели «старички» под командованием гауптмана Грота...

На мой вопрос, как же их всё-таки удалось выбить с Elbrushaus и перевалов, участник тех событий, бывший офицер 1-го горного дивизиона Георг Швильм ответил:

– Выбить не удалось. Успешные операции Красной армии под Сталинградом в ноябре-декабре 1942 года вынудили немецкие части отступить. А нам ничего не оставалось, как догонять их, дабы не попасть в окружение. Первого января 43-го, в соответствии с приказом, мы начали отход из Приэльбрусья. Разумеется, если бы обстановка на основном фронте благоприятствовала германской армии, мы бы остались на месте. Запасов хватало на всю зиму, а весной мы планировали спуститься в Грузию...

Таким сформировался мой багаж знаний о кавказской войне 42–43-го годов к моменту встречи под Аннапурной. Конечно, в 2000-е многие архивы приоткрылись, информации стало больше, но тут передо мной оказался сын главного героя эльбрусских событий. Знает ли Томас что-то особенное? Томас знал. Более того: тетрадки, которыми немцы шелестели в лоджи, разговоры, которые немцы вели, касались как раз *тех* событий. Но что разговоры? Мы давно привыкли скептически относиться к досужим версиям непричастных людей. А вот свидетельства очевидцев, магическая сила записанных ими слов – они вызывают доверие, тем более что «тетрадками» оказались дневниковые записи гауптмана Хайнца Грота. Напоминание о нашей встрече с Томасом на «Эльбрусиаде примирения» расположило к беседе. Я настойчиво просил посвятить меня в подробности приключений вокруг Приюта Одиннадцати «из первых рук», и немцы решили сделать это буквально: Томас читал немецкий текст Хайнца Грота, Павел – так звали русского гида – переводил, а я подставил диктофон и делал пометки ручкой.

4 августа 1942 года.

– ...1-я горнострелковая дивизия, которую берегли в тяжёлых боях под Ростовом, переправилась через большую и полноводную реку Дон без боя. В станице Кагальницкой, на расстоянии 450 километров от Эльбруса, я получил от генерала Ланца приказ сформировать высокогорную роту. Моя тактическая задача состояла: занять перевалы, ведущие в район Эльбруса от истоков Кубани к истокам Баксана и Терека на Востоке и Ингури на Юге, произвести разведку находящихся на этом направлении долин, прикрыть левый фланг дивизии и, в качестве цели символического характера, водрузить военный флаг Рейха на высочайшей вершине Кавказа.

10 августа.

– ...Я доложил командиру дивизии об окончании комплектования отряда. Я отобрал 150 человек из 22 тысяч личного состава дивизии, в том числе девять офицеров. Все бойцы получили лично из рук генерала новшество в Вермахте – орлиное перо на головном уборе. Я мог смело положиться на каждого из них...

Дальше перечислялись имена, среди них – вспоминайте скорее храм Сваямбунатха в Катманду, задание Гимлера, страну Агартху – майор Пауль Бауэр, которого так и называли: «специалист по Канченджанге». А также участник гималайских экспедиций Бауэра врач Карл фон Краузе и ряд других «кавказцев» и «гималайцев».

Вторым моим немецким собеседником в Гималаях был Альфред – внучатый племянник Пауля Бауэра...

В общем, всё сходится.

13 августа.

– ...Пробираемся на вездеходах по дорогам плодородного края до высоты 1200 метров. Нас окружают дикие ущелья, скалы высотой до двух километров, необозримые горные пастбища с альпийским метровым разнотравьем. Очень редко мы видим людей. Чаще всего это одетые в меховые одежды и хорошо вооружённые пастухи, которые нас дружно приветствуют. Русских же солдат не видно.

В долине реки Кубань мы наблюдали опустошительную картину разрушений, возникшую в результате тяжёлых боёв, которые здесь вели горные стрелки за проход в горы.

Лейтенант Фишер в одиночку со своим шофёром предпринимает смелую вылазку в высокогорное село Даут на высоте 2600 метров. Он не нашёл там ни одного русского солдата, зато встретил многих карачаевских пастухов, которые годами скрывались здесь и приветствовали немецких солдат как освободителей от «большевистского ига».

14 августа.

– ...В деревеньке Эльбрус меня встретили вооружённые до зубов казаки. Сначала они насторожились, но позднее приветствовали выстрелами в воздух. К вечеру добрался до Уллу-Кама – главного ущелья внутренней долины Кубани. У мечети я выслушал приветствие старосты, окружённого моими разведчиками. В комнате старосты нам презентовали бочонок мёда. Удалось уговорить казаков доставить меня рано утром к посёлку Хурзук.

15 августа.

– ...По ущелью Уллу-Кам решили идти пешком, а мулов использовали как вьючный транспорт. Открылся захватывающий вид на снежные вершины. Мы не раз ловили себя на мысли, как бы объехать войну войне и всё чудесное вокруг нас изучить с точки зрения геологии, ботаники и альпинизма.

Дружественные карачаевцы, однако, не особенно разговорчивы, из них не вытянешь сведений относительно передвижения войск противника.

16 августа.

– ...Я получил радостное известие от Хирхельца, что он перешёл перевал Азау, не встретив противника. У меня отлегло от сердца. Я посылаю офицера с отделением разведки в направлении перевала Хотю-Тау с задачей выяснить, занят ли он. По присланной Генеральным штабом карте мы определили, что северо-восточнее перевала на высоте 4100 метров находится горная хижина Elbrushaus – она могла бы стать подходящим опорным пунктом для штурма вершины.

17 августа.

– ...Продвигаемся к перевалу Хотю-Тау. Худшего положения, чем то, в котором мы оказались, трудно представить. Многочисленные трещины вынуждают нас делать большие обходы. Снег начиная с 10 часов приобрел коварные качества, что выражается в повышенной мелкости; мы проваливаемся в него по колено и выше. Отчаянность положения не уберегла нас от такого табу для альпинистов, как поедание снега. Безграничное снежное болото и беспощадно палящее к полудню солнце готовы уничтожить нас. Скоро мы дошли до того, что стали безразличны ко всему в мире и мечтали только о чашке горячего чая.

Из последних сил доходим до перевала и видим: впереди лежит какое-то беззащитное чудовище в виде дирижабля, а рядом вьётся мирный дымок. Вскоре появляется один из разведчиков и, задыхаясь, говорит, показывая на «дирижабль»: «Это Elbrushaus, русские называют его Shutz der elf – Приют Одиннадцати, он занят врагом!»

Я должен любой ценой овладеть Приютом, от этого зависит успех всей операции. Но наступать по льду с кучкой людей невозможно: Elbrushaus господствует над ледниковым плато, и здесь я не смог бы добиться успеха даже с целым батальоном горных егерей. Помочь может только одно – хитрость...

Беру белое полотенце, заменявшее мне носовой платок, поднимаю над головой, подчёркивая мои мирные намерения, и иду, спотыкаясь от голода, жажды и усталости, почти в бредовом состоянии. К тому же не давал покоя страх: чем же всё это кончится?

Неожиданно оказываюсь перед сделанной из кучи камней ячейкой, где лежат два парня с пулемётом, похожие на монголов. С неподвижными лицами они взяли пулемёт наизготовку. Я мгновенно очнулся и сосредоточенно повторял про себя: «Вы не смеете, вы не смеете, вы не смеете...» Они не стреляли, а просто захватили меня в плен, причём выглядело это как-то театрально: «монголы» направили на меня винтовки с примкнутыми штыками и повели к хижине, а пулемёт оставили на произвол судьбы. У Приюта меня встретила группа солдат, тоже монголоидного типа, – они были невероятно удивлены...

Когда передо мной оказались три офицера, ни слова не понимающие по-немецки, я горько пожалел, что не изучил прекрасный язык моих противников. Но со мной были планшетка и письменный набор. Я жестами попросил немного терпения и начал колдовать на бумаге красным и голубым карандашом. Жестикулируя руками, я пытался втолковать моим слушателям, что они окружены превосходящими силами германских вооружённых сил, что являюсь парламентёром, имею исключительно мирные намерения и уполномочен предложить им единственно возможный вариант действий – беспрепятственный отход вниз к Баксанскому ущелью.

Началось оживлённое обсуждение, в которое вмешался человек в штатском, – позже я узнал, что это был профессор и руководитель метеостанции. А спустя некоторое время... я не поверил своим глазам: вся группа во главе с офицерами направлялась в сторону Баксанской долины. Среди них я заметил славную женщину – офицерскую повариху, которая обслуживала и метеорологов...

Что мне меньше понравилось, так это оставшаяся группа темнокожих азиатов с непроницаемыми лицами. Они окружили меня с ружьями, взятыми наизготовку. С чувством отчаяния я заорал на них диким голосом, чтобы мне дали поесть. Поскольку лица азиатов оставались безучастными, я схва-

тил ближайшего ко мне человека за руку и повёл его, поражённого и несопротивляющегося, к входной двери в хижину, над которой дымилась труба. Я вошёл и попал на кухню, где увидел огромный котёл кипячёной воды, чайник, мешок сахара, жиры и другие продукты...

Осматривая «дирижабль», я нашёл зимнее и летнее снаряжение в большом количестве и самое разнообразное продовольствие, его хватило бы на прокорм целой роты в течение нескольких месяцев. Я очень устал и позволил себе несколько часов поспать.

18 августа.

– ...Что касается «монголов», то они оказались узбеками. самого сильного из них – в мирной жизни он был садоводом и жил в окрестностях Ферганы – заставляю быть моим помощником. Остальные, в течение всего периода нашего пребывания на Elbrushaus, выполняют необходимые работы, сопровождают нас на выходах и получают такое же довольствие, как и мы...

Условия фирна и погоды для восхождения на вершину довольно благоприятные, но меня беспокоит то, что я должен отобрать в штурмовую группу людей, которые уже три года не были на такой высоте. Какие-либо другие трудности, которые я предполагал встретить на местности, не подтвердились. Проблемы заключались в неподготовленности людей к кислородной недостаточности и непредсказуемой погоде...

Вечером по радио мы получилистораживающие известия: под ледником Большой Азау наши натолкнулись на превосходящие силы противника, заставившие егерей отступить к перевалу. С помощью бинокля можно было наблюдать, как по фирновым полям под перевалом Донгуз-Орун двигалось в сторону Баксанского ущелья несметное количество огоньков. Это подтверждало сообщение о том, что русские прислали с юга подкрепление.

19 августа.

В час ночи я решаюсь с группой в количестве четырнадцати отборных егерей выйти к вершине. Погода не утешает, я убеждён, что далеко мы не сможем уйти, но всё же делаю тренировочный выход, заодно проверяя наши волевые качества. Поднимаюсь до скал восточной вершины...

Другая часть нашего гарнизона обосновалась на перевале Хотю-Тау и ведёт опасную жизнь, размещаясь в палатках и ожидая каждое мгновение нападения русских.

20 августа.

Бушует снежная буря, заставляя отсиживаться на Приюте. Всякая видимость затруднена, русские могут подойти к хижине незамеченными, поэтому у каждого из нас оружие наготове даже днём...

На метеостанции рядом с Приютом я нашёл богатство художественной литературы. Рядом с поэмами Пушкина лежали повести Гоголя о казаках, драмы Островского, «Кобзарь» Шевченко, произведения Лермонтова. Но все книги на русском языке, я могу прочитать только названия и фамилии авторов...

В середине дня до меня дошло нерадостное и «обтекаемое» радиосообщение: «Скорейшее восхождение на вершину крайне необходимо, так как с севера готовится осуществление непредвиденного мероприятия».

Это означало, что *специальное подразделение СС собирается вырвать у нас Эльбрус из-под носа...*

Опять отвлекусь от дневника Хайнца Грота. Как заметил читатель, я ничего в нём не комментирую, только даю некоторые пояснения. Следующее пояснение необходимо. Подразделение Грота принадлежало *Вермахту* – регулярной германской армии. Но *Войска СС (Ваффен СС)* – это не Вермахт, это боевые формирования нацистской партии под командованием Генриха Гиммлера. Они образованы на базе отрядов охраны Адольфа Гитлера и концлагерей. Вермахт и СС различались даже визуально: символ первых войск – так называемый балочный крест (балкенкройц) на униформе и технике; символика СС – череп с костями и две молнии (двойная руна «зиг», атрибут скандинавского бога войны Тора). На Нюрнбергском процессе войска СС обвинены в военных преступлениях, а члены СС объявлены преступной группой.

Профессиональные альпинисты, в том числе «гималайцы», служили и в упомянутом подразделении СС в Приэльбрусье. Но между отрядами Вермахта и СС всегда существовала конкуренция, переходившая во взаимное неприятие. Я помню, как даже в ходе нашей встречи на Эльбрусе в 92-м егеря из «Эдельвейса» называли эсэсовцев «metzger» – мясниками. То же происходило и 50 лет назад, когда солдаты из «Эдельвейса» делом чести считали не уступить эсэсовцам победу над горой.

21 августа.

– ...В два часа ночи мерцают звёзды сквозь рваные облака. С запада начинают накапливаться большие чёрные тучи. Вопреки благоразумию, я приказываю готовиться к быстрому выходу. При снеге, холоде, буре мы благодарны отличному альпинистскому снаряжению, напоминающему одежду русских танкистов. Осторожно двигаются наши шесть связок по три человека в каждой. У брёвен Приюта Пастухова, на высоте Монблана, встречаем день.

Мы идём без оружия. Я так рассудил: винтовка или автомат с патронами весят около пяти килограммов и отрицательно повлияют на нашу физическую работоспособность на высоте более пяти тысяч метров. Противника не предвидится, а что касается конкурентов из СС, то мы с ними из одного и того же военного лагеря, значит, не надо оружия. Но соревноваться не пришлось: эсэсовский отряд отказался от своего намерения из-за сильной бури.

Вместо него появился мой русский «коллега» Гусев со своей ротой. Он пытался подойти сверху, с расположенного на севере ледника, и выбросить нас из гнезда на Elbrushaus. Но Гусев застрял на высоте около 5100 и повернул обратно. Нам повезло: при столкновении с русскими пришлось бы плохо.

В семь утра, как мы и ожидали, разразилась сильная буря. Пробираться через свежевывавший снег и дышать против ураганного ветра было мучительно. Каждые сто шагов мы останавливались, чтобы отдышаться.

Около десяти утра я в связке с *Паулем Бауэром* и Гербером выхожу на вершину Эльбруса. Наша команда устанавливает на обледенелом флагштоке государственный военный флаг Рейха и штандарт дивизии «Эдельвейс». Начинаем медленный спуск. Измождённые, шатаясь, к наступлению ночи мы вернулись на Приют...

29 августа.

По радио поступает приказ, отзывающий меня в дивизию. Я передаю дела майору Бауэру с его батальоном и передислоцируюсь со своей группой к верховьям реки Кубань. Узбеки сопровождают нас к долине. На перевале Хотю-Тау прощаюсь с царством пятитысячников и следую в Винницу, а оттуда в Берлин. Приключения закончены...

Последующие события, в отличие от дневника Хайнца Грота, хорошо известны. Когда информация о восхождении на Эльбрус дошла до Берлина, Гитлер поначалу вспылал: мол, какого чёрта отвлекались от реальных боевых задач в угоду символической акции. Но, увидев кинокадры флагов на вершине, смилостивился и дал отмашку на проведение пропагандистской кампании. Кинохроника, радио, газеты Германии кричали на весь мир, что немецкая армия покорила Кавказ, что Эльбрус теперь станет пиком Гитлера, а флаги Рейха скоро будут развеиваться и на Казбеке; и вообще, что вся Европа теперь у фюрера под сапогом. Выпустили даже наградные жетоны с силуэтом Эльбруса и надписью «Пик Гитлера»...

Капитан Гусев и младший лейтенант Немчинов

И не только они, а ещё множество советских солдат и офицеров. Просто об этих участниках событий 43-го я знаю побольше. Однако давайте по порядку – о том, что случилось после отбытия Хайнца Грота из Приэльбрусья.

Немцы прочно закрепились в Elbrushaus. Но что толку? Пробыться в Баксанское ущелье и дальше на юг, к желанной и необходимой для войны бакинской нефти, им не давали советские войска. А наши не могли сбросить с Приюта и перевалов закрепившихся там егерей. В августе и сентябре 42-го несколько отрядов НКВД пытались под покровом ночи или тумана подойти к Приюту сверху, и каждый раз неудачно, причём до реального боя дело и не доходило.

Остался в истории штурм немецких позиций отрядом лейтенанта Гурена Григорьянца, который сам по себе являлся фигурой, прямо скажем, экзотической. До войны работал... заведующим парикмахерской при банно-прачечном комбинате в Ашхабаде, рядом с альпинизмом и близко не стоял. Зато успел четыре года, с 1929-го по 33-й, провести в заключении, куда попал за убийство жены, однако был по каким-то смягчающим обстоятельствам освобождён со снятием судимости. Впрочем, никакой связи между ашхабадской баней, «посадкой» Григорьянца и событиями на Эльбрусе никем не обнаружено.

27 сентября отряд Григорьянца численностью до ста человек, под прикрытием пулемётного и миномётного огня – миномёты располагались прямо на леднике, сумел подобраться к Приюту Одиннадцати на расстояние примерно в 100 метров, то есть почти вплотную. Немцы обнаружили отряд, открыли встречный огонь: на Elbrushaus также находились пулемёты, миномёты и даже артиллерийское орудие, и продвижение наших бойцов вперёд остановилось. Лейтенант дважды поднимал солдат в атаку, потеряв при этом три четверти личного состава и получив ранение в ноги. Вечером, под прикрытием темноты и тумана, остатки отряда попытались отойти, но добраться до Баксанского ущелья смогли только четверо: остальные провалились в трещины, были убиты, ранены или замёрзли в горах. Погиб и Гурен Григорьянц...

В начале 43-го, как мне письменно растолковали исторические документы, а устно – ветеран «Эдельвейса» Георг Швильм, немцы, под угрозой окружения, ушли с Кавказа. И теперь уже перед нашими бойцами встала задача снятия флагов с вершин. Столь же символическая, как и для егерей при их установке. А скорее, даже более символическая: за полгода на высоте более 5600 метров, под сильнейшими ветрами, от стягов остались разве что отдельные куски материи.

Операцию поручили специальному отряду из 20 военных альпинистов под руководством опытного восходителя, военного инженера 3-го ранга Александра Гусева. Именно его вспоминал Грот в своём дневнике. 13 и 17 февраля 43-го две группы – одну возглавлял сам Гусев, а другую – лейтенант Николай Гусак, стартовали с Приюта Одиннадцати и взойшли сначала на Западную, а затем на Восточную вершины Эльбруса. Выдернули изо льда древки с лоскутьями символики Рейха и установили советские полотнища.

Я видел и слышал Гусева в 92-м, правда, не на «Эльбрусиаде примирения», куда он не сумел поехать, а в Москве. Ещё ранее, в 80-м, Александр Михайлович издал книгу «Эльбрус в огне» – мемуары о тех самых местах и боях 42–43-го. И в книге, и в публичных выступлениях уважаемый учёный, доктор математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики моря МГУ им. Ломоносова, альпинист и полярник излагал события примерно так же, как и материалы Музея обороны Приэльбрусья:

«Когда мы в феврале 43-го, выполняя задание командования, достигли Приюта Одиннадцати, то увидели, что его здание повреждено бомбами, фасад изрешечён пулями, исковеркан осколками, крыша с дизельной станции снесена взрывом. Всё это – следы наших ударов с воздуха. Метеостанцию рядом с Приютом фашисты разрушили. Они запакостили все помещения до предела, но нам удалось разместиться в нескольких уцелевших комнатах. И это пришлось весьма кстати – надвигалась непогода...

Восхождение на Западную вершину Эльбруса 13 февраля оказалось очень трудным. Снег, метель, ураганный ветер, видимость менее 10 метров. Минуя опасные районы, группа альпинистов довольно точно вышла к седловине: помогло знание до мельчайших подробностей рельефа склонов. При выходе на вершинную площадку ветер набросился на людей с новой силой. Им долго не удавалось обнаружить металлический триангуляционный знак, установленный на высшей точке площадки. Но Александр Сидоренко и братья Хергиани разыскали его. Ветер бешено трепал привязанный к ферме знака растерзанный фашистский флаг. Наши альпинисты сорвали его и установили красный флаг. Затем они оставили в камнях записку о своём восхождении и направились вниз. Половина дела была сделана...

17 февраля я повёл группу на Восточную вершину. Мороз на уровне Приюта достигал 40 градусов. Дул порывистый ветер силой 25–30 метров в секунду. На вершине же, как мы понимали, мороз мог превышать и 50 градусов. Мы шли в тулупах. Они тяжеловаты для восхождения, зато надёжно защищали от холода и ветра. Маски на шерстяных шлемах предохраняли от обморожения лица. На ногах у всех были валенки с закреплёнными на них кошками. Кошки на неподшитых валенках периодически сползали набок, идти становилось всё опаснее, но останавливаться нельзя – замёрзнешь.

На вершинной площадке гуляли снежные вихри, но видимость отсюда – до самого горизонта, а на юго-западе – до Чёрного моря. Мы выдернули изо льда обломки древка с обрывками фашистского флага и установили алый стяг Родины. Прогремел салют из пистолетов. Чувство огромной радости охватило всех нас: флаг водружён, победа! Мы ощущали это с огромной силой. И ощущение было удивительно ярким. Такое случается раз в жизни...»

Что я к этому могу добавить? На «Эльбрусиаду примирения» приехал лишь один из той группы участников советского контрштурма вершин – младший лейтенант Алексей Немчинов, бывший инструктор альпинизма 903-го полка. Не профессор и не доктор наук, на гражданке он работал обычным пожарным. Возможно, поэтому идеологически подкован Немчинов был поменьше Гусева и рассказывал мне о своих впечатлениях попроще:

– ...Шли в валенках, прикручивали к ним кошки. Ледоруб у кого был, у кого – нет. На Восточную вершину пошли 17 февраля в 12 ночи, а забрались около 12 дня, потому что очень ослабли – кончилось продовольствие. На Приюте, откуда начиналось восхождение, оставалась, правда, картошка, которую немцы полили керосином, мы отмачивали её и ели. А ещё обнаружили взорванные консервы, они тоже сгодились. Накануне, 10 февраля, был мой день рождения, по такому случаю сумели убить двух галок...

Этими историями я, в ответ на немецкие откровения, поделился с Томасом и Альфредом в базовом лагере Аннапурны.

За раненых, за пленных и за нас, военных

– Наверное, известна дальнейшая судьба ваших родных? – спросил я, и собеседники охотно откликнулись.

– К концу войны отец стал майором, командиром горнострелкового полка, – рассказывал Томас. – После войны работал горным спасателем, мировым судьёй. Составлял путеводители по Баварским Альпам. С возрастом стал сентиментален, говорил, что не испытывал вражды, а тем более ненависти к русским рабочим и крестьянам, учёным и солдатам. Ещё говорил, что с тяжёлым сердцем пошёл воевать со страной, которую он знал и уважал по литературе. Дома у Хайнца Грота сформировалась солидная библиотека с большим разделом русских писателей. Как-то сказал, что Пушкин ему милее Гёте и Шиллера...

– Пауля Бауэра в Германии вообще мало знают как участника войны, – говорил Альфред. – Он известен как выдающийся альпинист, первооткрыватель целого ряда маршрутов в Гималаях; оставил после себя несколько книг с описанием своих экспедиций. После войны работал нотариусом, много внимания уделял делам военнопленных и заключённых. Но, опять же, главным делом жизни по-прежнему считал альпинизм. Ещё в 1936-м Пауль учредил Немецкий гималайский фонд и в течение многих послевоенных лет оставался его председателем...

Ну что, выпили мы звёздной гималайской ночью за встречу, и за память отцов, и за «миру – мир». Потом «за раненых, за пленных и за нас, военных». Просто фраза? Да не совсем: выяснилось, что и оба немца, и я вместе с ними были офицерами запаса, да ещё с горно-стрелковой подготовкой, да ещё и с гималайским опытом.

Выпили ещё – и началось, как у нас, у русских, в таких случаях принято, застольное братание, сопряжённое с исполнением песен. Мы познакомили немцев с песней, написанной участником февральских событий на Эльбрусе 43-го года – Николаем Моренцом. А потом пели её вместе. Мы явно мешали спать непальцам – хозяевам лоджи – и посетителям из разных стран. Но соседи по кают-компаниям вели себя деликатно и смотрели на нас с пониманием:

Мне не забыть той долины,
Холмик из серых камней.
И ледоруб в середину
Воткнут руками друзей.

Ветер тихонько колышет,
Гнёт барбарисовый куст...
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...

ГЛАВА II

Остальное

«Кукушка»

Кто не знает «Кукушку»? Все москвичи, да что там – вся страна знает «Кукушку»! Но это сейчас, а раньше не так: знала не вся страна и не ту «Кукушку». Сначала «Кукушка» была просто заводским Дворцом культуры имени видного деятеля советских времён Кукушкина с дислокацией в рабочем районе города, рядом с секретным предприятием. Хотя не совсем просто и не только заводским. ДК был очень большим, тысячи на полторы мест, с просторными фойе и подсобными помещениями, поэтому здесь могли происходить события любого уровня. Если говорить о культурной сфере, то это спектакли столичных и других театров, выступления эстрадных ансамблей и клубов самодельной песни; показы новых кинофильмов. Если же, например, о политике – то это партийные конференции с присутствием даже членов Политбюро ЦК КПСС.

С наступлением советско-горбачёвской перестройки к имеющемуся потенциалу прибавился существенный довесок: в прилегающем к «Кукушке» парке началась оживлённая торговля пластинками-дисками, магнитофонными кассетами и сопутствующей атрибутикой. На сотнях метров парковых аллей по выходным дням собирались торговцы и покупатели, счёт которых шёл на многие тысячи. В конце 80-х «Кукушкой» стали называть именно эту стихийную рыночную тусовку. ДК отошёл на второй план, а про давшего ему имя деятеля забыли вовсе. В наступивших реалиях появились иные интересы. Где взять хорошую, не продающуюся в магазинах, дефицитную музыку? На «Кукушке»!

В России «лихих девяностых», в условиях отмирания старого законодательства и медленного становления нового, фактически нелегальная «Кукушка» расцветала и процветала. Так продолжалось целое десятилетие! Но потом рынок в парке закрыли, ДК превратился в музыкальный театр, и «Кукушка» умерла. Однако если оперировать буддистскими понятиями, то она всего лишь перевоплотилась на пути к совершенству и обрела «реинкарнированное» лицо...

Недалеко от «кукушкиного» дворца и парка располагался ещё один завод, выпускавший оборонную продукцию и телевизоры. «Оборонку» к 2000-м перенесли в другое место, а производимые здесь «голубые экраны» стали неконкурентоспособными. Освободились огромные площади, на которые «Кукушка» и переместилась, причём с многочисленными подростками «птенцами» – магазинами, офисами различных контор, индивидуальными предпринимателями. На легальном теперь рынке ассортимент продукции расширился в сотни раз и включил в себя мощный компьютерный сегмент, а цены держались ниже, чем во многих других местах. Вот тогда и наступила всероссийская слава «Кукушки».

Да что там всероссийская – мировая! Однажды «Кукушка» попала в Книгу рекордов Гиннеса в номинации «Самое быстрое пиратство»: в день, когда глава «Microsoft» Билл Гейтс объявил о старте продаж очередной версии «Microsoft Office», уже через четыре часа пиратские копии пакета программ продавались на рынке по цене в десять раз ниже, чем у оригинала! Нет худа без добра: контрафактная продукция во многом способствовала расширению культурного кругозора и повышению компьютерной грамотности москвичей, поскольку в 1990-е лицензионные программы стоили слишком дорого, а Интернет широко не распространился. Что касается поп-музыки, то и она никуда не делась – существовал даже музыкальный хит-парад «Кукушки», не уступавший популярностью чатам FM-радиостанций.

У столь солидного предприятия должен быть серьёзный хозяин, не так ли? Прежний советский владелец оказался тоже серьёзным – в том плане, что сумел приватизировать бывшую государственную собственность, а потом «слить» её выгодным покупателям – они и занялись последующей рыночной раскруткой купленных площадей. Кто же эти «сказочные принцы»? Ну, «принц» фигурировал только один, а если и не принц, то лицо, вполне «приближённое к императору». Вернее, к королю. Правда, что ли? К какому королю? Конечно, правда! Совладельца объекта с рыночной стоимостью в полмиллиарда долларов звали Махендра, он был непальцем и человеком из окружения короля Непала. В общем, опять всё сходится!

Сошлось всё и в дальнейшем. Московского чиновника, в чьём ведомстве находилась названная территория, звали Андрей. Он был тоже приближённым, но не к непальскому королю, а ко мне: мы дружили, выпивали, и я частенько рассказывал Андрею и другим участникам нашей компании о гималайских путешествиях. Однажды Андрей вдруг сказал:

– Ты нас своим Непалом сильно впечатлил: мечтаю – кушать не могу! А я познакомил с твоими рассказами одного товарища. Но товарищ, представь себе, оказался при делах! И предложил организовать путешествие в эту экзотическую страну.

– Андрей, дорогой, да я сам тебе в Непале что хошь организую! Зачем нам какой-то товарищ?! Кстати, как его зовут?

– Махендра.

– Нет, не слышал... И что он может?

– Да всё!

– Ну, например?

– Ты на самолёте вокруг Эвереста летал?

– Нет...

– В пятизвёздных отелях жил?

– В Непале вроде таких не наблюдал...

– Но они есть!

– А как с опасностями гражданской войны?

– Старичок, пойми! Все вопросы решаются! Лучше подскажи самый интересный маршрут.

– Думаю, что в базовый лагерь Эвереста, с восхождением на ближайшие обзорные вершины.

– Вот! Этим и займёмся...

Этим и занялись. А конкретнее, купили билеты на самолёт, поскольку ни о чём другом беспокоиться не стоило.

Полетели вчетвером и наслаждаться маршрутом начали незамедлительно: «забухали» «на четверых» прямо в Шереметьево. В самолёте в то время порядка с алкоголем обстояли попроще, поэтому употребление согревающих кровь и веселящих голову напитков продолжили и в салоне лайнера. Быстренько пробежались «экскурсией по золотишку» в аэропорту Шарджа Объединённых Арабских Эмиратов, где происходила пересадка на рейс Nepal Airlines, накатили ещё вискаря за успешную посадку и следующий благополучный взлёт и, наконец, прибыли в Катманду.

Нас встречал... ни много ни мало начальник полиции города – тоже Махендра. В Непале эта часть имени указывает на родовую принадлежность, так что Махендр, как и, например, Шакьев – родовых предков Будды и Кумари, много. Но у каждого есть и вторая часть – собственное имя. Рядом с полицейским начальником стоял «наш» Махендра – невысокий смуглый брюнет с густыми блестящими волосами, хорошим русским языком, простыми и приятными манерами. Принимающая сторона повязала на шею москвичам «мала» – гирлянды из жёлтых цветов – и усадила в автомобили представительского класса, коих в Непале, прямо скажем, не слишком много.

Повезли в тот самый пятизвёздный отель, наличие которого я ставил под сомнение. Такой отель, а вернее, отели, ещё как существовали, просто строились они вдалеке от рабочих трасс и жилых кварталов, а в ряде случаев и вообще за пределами города. Внутри отеля всё выглядело... ну, как и положено пяти звёздам, включая открытый и закрытый бассейны, комфортные номера, хорошую связь и прочие удобства.

Организаторы объявили, что наше путешествие начнётся завтра утром, причём именно с трекинга в Everest Base Camp (ЕВС) – базовый лагерь Эвереста, а остальное потом. Характер *остального* мы пока не представляли, но оно вышло весьма впечатляющим, и повествование об этом впереди. А пока нам рекомендовали отдыхать. Уверен, что читатель помнит о том, как отдыхает русский путешественник в первый день прилёта в незнакомое место. Сергей и Женя попросили меня отвести их туда, где повеселее. В моей памяти хорошо закрепилось Hard Rock Cafe: в принципе, удар прикладом по голове несколько лет назад должен был память отбить, но она почему-то улучшилась. В «памятное» кафе и пошли. Стоит ли объяснять, что рано утром проснулись «не в форме»... Но удручённо-похмельному состоянию в ближайшие часы предстояло кардинально измениться.

Пад кры-ло-ом са-малё-о-ота

Читатель отчасти знаком с маршрутом в ЕВС, – например, я описывал, как ходил по нему с любимой женщиной. Но, во-первых, тогда мы не дошли до конца, а во-вторых, в том рассказе имелись пробы или, скорее, умолчания. Так, говоря о перелёте из Катманду в Луклу, я пояснял, что информация подаётся в мягком, «женском» варианте. Теперь же настала очередь варианта жёсткого и «мужского».

Приступим. Что путешественники не улетят из Катманду в указанное в билете время – это почти гарантировано. Что не отправятся в указанный день – вполне возможно. Выходит, если мы взлетели после каких-то четырёх часов ожидания, то нам повезло. Шикарно поднимаемся над дымным малоэтажным Катманду; как и положено, захватывает дух от восторга. Летим по чистому небу, на котором буквально минут через пять появляются нестрашные маленькие облачка. Самолёт совсем чуть-чуть соприкасается с ними, а ещё – с невидимыми воздушными потоками, и... нас начинает конкретно колбасить. Да чего там, пустяки, полёт продолжится всего тридцать-сорок минут, не успеем поволноваться, – надеются пессимистичные путешественники. Не волнуйтесь, успеете, – рассуждают оптимисты.

Бортпроводница ползала на корточках в узком пространстве между рядами, а вернее, линиями сидений – на каждой линии пятнадцатиместного «лайнера» располагалось по семь-восемь пассажиров – и, представьте себе, раздавала конфетки. Мы клали конфетки в рот, улыбались и старались делать храброе лицо. Но лица бледнели, а подступавшее состояние образно выразил Женя: «Ребята, мне кажется, что моё небо сейчас соединится с простатой...»

А потом самолёт влетел фактически внутрь ущелья, где справа и слева высились горы, а воздействие воздушных потоков стало значительно более интенсивным. Я закрывал глаза и считал про себя: один, два, десять, двадцать, сто... Ой-ёй-ёй, сколько ж раз по сто в отведённых на полёт минутах!

Число маленьких облачков увеличивалось, а потом появились скопления побольше. Самолёт уже не потряхивало, а реально кидало. Застегнуть привязные ремни никто не призывал – мы сами закрепили их давно и мёртво.

А что лётчики? Так вот они, в нескольких метрах, без всяких дверей, перегородок и даже занавесок – молодые парень и девушка. Переговариваются по-непальски между собой и лишь иногда с аэропортом. Судно управляется вручную, никакого автопилота!

Самолёт отвернул куда-то в сторону и начал снижаться. Слава Будде, Брахме, Шиве и Вишну – это ведь их территория. Уклоняясь от облаков, самолёт совершает кульбиты вправо-влево-вверх-вниз и наконец приземляется. Да, в буквальном смысле приземляется, поскольку садится на самую настоящую землю, а если ещё конкретнее – на бугристую земляную дорогу. Что ж получается, в Лукле, международном аэропорту имени отважных первооткрывателей Эвереста Хиллари и Тенцинга, не могли сделать нормальную взлётную полосу? Ерунда какая-то. Но оказалось, что не ерунда. Оказалось, что мы прилетели... не в Луклу.

Уставшие бороться с облачностью и принявшие решение не рисковать, лётчики посадили самолёт на дорогу возле ближайшей деревни. Мы, пассажиры, искренне переживали «второе рождение» и считали себя чудом выжившими героями. Иные настроения испытывали жители селения, сразу прибежавшие, чтобы... Нет-нет, не спасать предполагаемых раненых и погибших, а помочь перенести наши рюкзаки до лоджий, которых здесь, как и в любом непальском посёлке, насчитывалось достаточно, и на этом заработать. «Героическая посадка» и для лётчиков, и для крестьян была обычным делом.

- Сколько осталось лететь до Луклы?
- Говорят, минут пятнадцать.
- Уф, слава богу!
- Да, только б не было облаков.
- Так если будут облака, они и не полетят.
- Что ж, будем сидеть в этой деревне?
- Будем сидеть...

И мы сутки сидели в деревне. За случившейся встряской все похмельные ощущения напрочь исчезли, да и перед полётом мы зареклись принимать спиртное на маршруте. Но ведь человек своему слову хозяин: хочет – слово дал, хочет – назад взял. Плюс такой экстрим! Мы достали запасённую, естественно, на крайний случай бутылку виски и, как писал в самой короткой главе повести «Москва – Петушки» Венедикт Ерофеев, «немедленно выпили».

Через сутки самолёт вновь загрузился и взлетел, провожаемый довольными жителями – наши доллары оказались для них явно не лишними. Небо сияло солнечной чистотой, самолёт шатало лишь слегка, и сказанное про пятнадцать минут оказалось правдой. Тем не менее впереди нас ждал

абсолютно предсказуемый сюрприз, известный всем, кто летал в Луклу хотя бы раз: когда «ползающая» стюардесса объявила скорую посадку, самолёт начал... набирать высоту.

– Что он делает?

– Может, горючее хочет сжечь, чтобы облегчить вес?

– Какое горючее? Что ты несёшь – его в этом самолёте с чайник!

– Лукла не принимает, летим обратно?

Перечисление вариантов мгновенно завершилось, когда прямо по курсу мы увидели скалу. Самолёт не старался её облететь, а стремительно приближался к лесисто-каменной стене и готовился её... пробить? В мозгу теперь зазвучали строчки Александра Твардовского: «Не пробил, старался слабо, видно, с местом прогадал...» А может, не прогадал, и попадём мы сразу в волшебную страну Агартху...

Да, не пробил, но и с местом не прогадал. Продолжая лететь снизу вверх, самолёт вознёсся над скалой и... приземлился на самую настоящую взлётную полосу. Женщины взвизгнули и перекрестились, мужчины выдохнули и сказали «ух, б..дь».

«С этого места, пожалуйста, поподробнее», – скажет читатель и будет глубоко прав.

После 1953-го, когда Эд и Тен покорили вершину, маршрут на и даже под Эверест становился всё более популярным. Но подход под базовый лагерь вершины занимал долгие дни и даже недели. Наконец, в 1964-м в Лукле – наиболее ровном и сравнительно близком от АВС посёлке – насыпали гравийную полосу, которая принимала лёгкие борта из Катманду. Небыстро, в 2001-м, гравий залили битумом, положили сверху асфальт и построили относительно приличное здание терминала.

Но! Лети мы в Луклу в 64-м или 2001-м, ощущения при посадке были бы одинаковыми. Почему? Потому что самолёт действительно садится снизу вверх. А как ещё, если перепад высот на полосе происходит тоже вверх от точки приземления и составляет двенадцать градусов! Про героизм, а лучше мастерство пилотов – не шутка. Здесь не работают никакие, кроме радиосвязи с диспетчером, системы навигации и помощи при посадке: лётчики производят свои операции исключительно «на глазок».

Это не всё. Права на ошибку в принципе нет, поскольку подход к ВПП зажат высокими горами, и развернуться при необходимости очень непросто. А после пересечения протекающей на дне ущелья реки Дудх-Коси второй заход на посадку и вовсе невозможен. То есть или сажай самолёт, или умри вместе с ним. Выезд за полосу тоже исключён: полоса завершается скалой. По наблюдениям пассажиров, которые находятся в салоне близко к пилотам, те перед заходом на посадку молятся, прикладывая руку к губам, голове и приборной доске.

Есть и следующее «не всё». Длина взлётной полосы в Лукле – 520 метров. На всякий случай: в московском аэропорту Шереметьево это три с половиной километра. Ясное дело, что межконтинентальный лайнер не сравнить с нашей «фитюлькой», но ни вам, ни лётчику от этого не легче.

Чтоб, как говорится, два раза не вставать, поставим и такой вопрос: а как происходит вылет обратно в Катманду? Да, скала теперь остаётся сзади, но касательно выезда за пределы взлётной полосы как-то не очень понятно... Или, напротив, вполне очевидно: его нет. Есть пропасть глубиной 700 метров. Когда следишь из окна терминала за бортами, уходящими на взлёт, кажется, что они падают напрямик в Агартху... Короче, аттракцион не для слабонервных, и аэропорт Лукла считается одним из самых опасных в мире. В этом месте логично спросить как в фильме Леонида Гайдая «Операция «БГ»»: «А несчастные случаи у вас на стройке были?» Были. Но очень мало. Мастерство и опыт пилотов, как говорится, не пропьёшь, к тому же индуисты и буддисты – люди почти непьющие.

Сиюю я как-то, братцы, с африканцем

Извините, вру. Не сидел я в Непале с африканцами. Да если и видел их, то очень редко. Но «я не встречал, значит их нет» – фраза, как вы понимаете, довольно глупая, поэтому приведу немного статистики больших цифр. Или сначала предложить загадку? Например: угадай с трёх раз, какие нации посещают Непал чаще всего? Впрочем, для разгадки хватит и одного раза: с Непалом граничат Индия и Китай – самые многонаселённые страны мира, отсюда и ответ на вопрос о первенстве иностранных путешественников очевиден – это индийцы и китайцы.

Угадать, кто следующий в рейтинговом списке, с одного, да и с трёх раз сложнее, поэтому под- скажу: это Западная Европа, где туристический лидер для Непала – Великобритания. Далее идёт Северная Америка, а если называть конкретные страны, то США.

С распознаванием аутсайдеров также не слишком просто, так что вновь помогу любознательным читателям: это Центральная и Южная Америка, откуда туристов прибывает около 0,5 процента от общего числа, и Африка – один процент.

О причинах отставания названных континентов давайте немного порассуждаем. На мой взгляд, вопрос с Америкой объясняется так: в огромном регионе немало своих красивых и разнообразных гор и вообще природно-исторической экзотики, во многом сходной, а иногда и превосходящей компактную непальскую. Но в столь же масштабной Африке всего пять пятитысячников и несколько десятков вершин высотой более трёх тысяч метров. Для сравнения: это значительно меньше, чем на одном Кавказе. Тогда почему африканцы мало ездят в Непал? Не знаю, да и бог с ними, с африканцами.

То есть реалистичное начало истории про гималайские посиделки может выглядеть, скажем, так: сию я как-то, братцы, с грейтбританцем. Вот с них и начнём.

А что же, про маршрут к базовому лагерю Эвереста совсем не будем? Почти. Во всяком случае, про альпинистские страсти, думаю, сказано достаточно, так что давайте разнообразим повествование. Хотя Лукла, Номче Базар, Кумджунг, Тянгбоче – безусловно, интересные места, и не только с точки зрения альпинизма, но с ними читатель отчасти познакомился. Но разнообразное – это что? В первую очередь люди. Прежде мы смотрели на них как на клэймеров, а теперь поглядим как на представителей народов мира. Итак, про англичан.

Когда вы приходите в любую лоджу на днёвку и ночлег, то непременно встречаете там путешественников. Это могут быть одиночки, двойки, но чаще разного размера группы. В поведении индивидуалов и пар национальные черты проявляются нечётко, а вот в группах порой удаётся наблюдать целые страновые шоу. Что особенного в англичанах? Рыжеватые и веснушчатые мужчины, сухопяты и угловатые женщины – это заметно и без Гималаев. Но с манерами поведения интереснее.

Сказать, что англичане – стадо или даже коллективисты, невозможно: каждый из них хочет быть и в реальности представляет собой самодостаточную личность. И в лоджи они входят тоже сугубо индивидуально, но... плотной и нерастянутой группой. На завтрак, обед и ужин они тоже соберутся лично и самодостаточно, но... все вместе и в одно и то же время. В демократической обстановке кают-компании внутри лоджи есть можно куда угодно, а когда людей много – где свободно. Но... англичане обязательно подождут, когда народу станет поменьше, или сдвинут разрозненные столы, чтобы есть вместе. Всем видом демонстрируя, что не будут ничего делать «по команде».

Это и вправду не по команде, а, наверное, по привычке. К порядку и традициям. Скажем, в нашей группе кто-то приладил носки к печке для просушки сразу по приходу, а кто-то – перед сном. Британцы сделают это одновременно, хотя места для всех может и не хватить. Ничего, они придумают уникальный вариант размещения, навязав верёвочки или подставив к печке дополнительные предметы. В период ожидания пищи или просто коротая время, они не будут вести оживленную, а тем более громкую беседу – они достанут книги и станут читать. Все? Да, все.

Перед выходом на следующую часть маршрута англичане обязательно запросят кипятку и зальют в свои термосы. Зачем? Через условные час-два ходьбы встретится следующая лоджа, где не составит проблем заказать чая. Но кипяток в термосы всё равно зальют. Все? Все.

Британцы не шумят. Британцы не хохочут – порой они натянуто улыбаются. Британцы не знакомятся с чужестранцами. Британцы никому не доставляют беспокойства. Британцы – настоящие, конечно, не те, что «понаехали тут», ощущают себя аристократами. Даже в горах, даже в мокрой и грязной одежде, даже с ужасным, потрескавшимся от солнца лицом.

А может, и другие нации поступают аналогично? Отнюдь! Довольно часто нам приходилось наблюдать такого рода картину. В лоджи вваливается разноцветная и разновозрастная, галдящая и шумящая, беспокойная и сразу привлекающая внимание толпа путешественников азиатской наружности. Из какой они страны? Да, средний россиянин, вероятно, сможет отличить китайца от индуса. А китайца от японца? А индуса от жителя Шри-Ланки? Это вряд ли... Отсюда идентифицировать национальность «беспокойных» мне с друзьями долгое время не удавалось. Несмотря на

то что они существенно отличались от прочих путешественников и в рамках своих групп вели себя совершенно одинаково.

«Беспокойные», сколько бы их ни было – а их, как правило, бывало много – неизбежно становились самыми заметными из всего временного народонаселения лоджи. За столами они, как и англичане, располагались вместе, но на этом сходство заканчивалось. «Беспокойные» являлись глубокими коллективистами и всё делали «по команде». «Команда» вряд ли определялась каким-то руководящим нажимом – например, как у нас в Советском Союзе; «команда» выглядела органичной. Она не мешала проявлять самостоятельность любому члену группы, но потребность жить «по команде» была, вероятно, присущей генетически.

Сдвинув столы, «беспокойные» начинали метать на них еду. Свою еду, привезённую из своей далёкой страны. Много еды. В больших контейнерах и малых боксиках, в коробках и коробчущках, бутылках и бутылочках. Еда источала запах. Сначала пряный. Потом острый и всё более обостряющийся. И плавно переходящий в вонь. Простите меня, «беспокойные», я не хотел вас оскорбить. Просто для кого-то один продукт прокисший, а для другого – выдержанный, для одного некоторое блюдо пахучее, а для другого – вонючее. «Беспокойные» не жадничали и угощали принесённой едой посетителей лоджи. Посетители вежливо пробовали и хвалили, употребляя слова из родного языка: «остренько», «рїзко», «спїсу». У кого-то проба усваивалась, а у некоторых быстро вылетало обратно.

Но это не самое интересное, а вернее, не самое особенное у «беспокойных». В лоджах, как я неоднократно докладывал, в 2000-х, в отличие от более раннего периода, находилось полно всякого спиртного: и пива, и красенького, и крепенького. «Беспокойные» пили очень аккуратно, заказывая на нос всего по банке пива объёмом ноль целых тридцать три сотых литра и крепостью не более пяти градусов. Такие подробности очень важны, поскольку после маленькой банки с пивом у «беспокойных» начиналось безудержное веселье. Они хором пели песни, плясали, совершали розыгрыши, иногда очень по-доброму вовлекая в игрища окружающую публику. Потом – далеко не все, а только некоторые – просили банку повторить...

По мере её высасывания веселье постепенно перемежалось спорами и выяснением отношений. «Беспокойные» очень эмоциональны: отношения выяснялись на повышенных тонах, переходящих в крики; со взмахами рук, переходящими... в потасовки. Да-да, после двух банок начинался мордобой. Не массовый, конечно, но одна, а то и две пары молодцов – женщин я за этим делом не замечал – дрались обязательно. Такие вот они... корейцы. Южные, разумеется. Северных сюда не отпускают.

У американцев мало интересного. Максимальное дополнение, которое вы сможете найти к многократно нарисованному образу гражданина североамериканских штатов – это... незаметность. Человек как человек. Прямо из нашей советской песни, где «человек проходит как хозяин». К чему американцу выделяться, раз он и так хозяин? Он держит себя, будто бы уже зашёл не меньше чем на Эверест и смотрит на окружающих прямо оттуда. Американец вежлив. Американец правилен. Он не пьёт, не курит и внимательно изучает надписи на упаковках. В разговоре американец беспрестанно улыбается, говорит «о!» или «о, really?!» и норовит похлопать тебя по плечу. Чрезвычайно милы американские бабушки и дедушки. Они не хлопают никого по плечу, а просто тихо перемешаются, находясь в полной уверенности, что всё и все вокруг созданы специально для них. Если возникает повод усомниться в этом, они с удивлением и укоризной покачивают головами...

Наконец, вы встречаете брата-славянина. Славянин чаще всего узнаётся сразу по признакам... Да чёрт его знает, по каким признакам. Он может быть одет в фирменную спортивную одежду, иметь такую же экипировку – всё новое и дорогое. В таком случае это, видимо, обеспеченный славянин. Или выглядеть скромнее, хотя вы не увидите в Гималаях человека, у которого «выштопан на штормовке лавины предательский след». Скромно – это обычный прикид, и снаряга постарее и победнее. Но и первые и вторые легко вписываются в определение «наши».

А если взять да уточнить: «наши» – они откуда? Из России? Вполне возможно, поскольку порядка десяти тысяч соотечественников ежегодно посещают Непал. Или из бывшего СССР? Хотя число посетителей оттуда определить вряд ли получится. Не знаю, не знаю... Но вот появляются узнаваемые ребята. Они узнаваемы тем, что сами тащат свои тяжёлые рюкзаки. При стоимости услуг носильщика 15 долларов за дневную переноску на трекинге одного или даже двух рюкзаков. Экономия – она понятна, но в рамках общей стоимости поездки в Непал выглядит странновато, а вот комфорт передвижения снижает ощутимо. «Узнаваемые» ребята достанут из рюкзаков свои

продукты, причём в значительно меньшем количестве, чем корейцы, зато с хорошо известными по многочисленным «национальным» анекдотам признаками. «Узнаваемые» станут оживлённо обсуждать меню, выгадывая, как бы сделать так, чтобы одной оплаченной порцией накормить двоих или троих, а что останется – взять в дорогу. Вероятно, такие «узнаваемые» могут в принципе оказаться гражданами любой страны мира, но чаще всего – братской, приграничной...

Я уже слышу возмущённые вскрики: «А сами-то, сами! Ты на себя посмотри!» Что ж, давайте посмотрим на себя. У моего товарища Жени на маршруте случился день рождения. Мы, конечно, выпили за здоровье именинника. Сначала красного вина. Вино понравилось, но кончилось. Тогда – хотя понижать градус не рекомендуется – взяли пива. Угостили пивом «беспокойных»: хотелось повеселиться вместе с ними. «Беспокойные» в ответ заставили наш стол своей... пардон, пахучей едой. Мы достали из потаённых припасов две бутылки коньяка, купленного ещё в московском duty free, и стали угощать американцев. Они улыбались и отказывались, потом снова улыбались и отказывались, а потом, простите, выжрали всё вместе с нами.

Душа всё больше хотела праздника.

– У вас есть коньяк? – спросили мы у хозяев лоджи.

– Нет, – ответили они. – Но есть finest local whisky, local kukri, local jin!

– Ладно, давай local, – сказали мы вместе с беспокойными корейцами и вежливыми американцами, поскольку те и другие готовы были пить к этому моменту всё что угодно.

Русский человек – широкий человек. И мы постепенно вовлекли в празднование Жениного дня рождения всех находившихся в кают-компани. А кто не хотел? С теми поступили согласно поговорке: «Не можешь – научим. Не хочешь – заставим!» В разгар пира, переходящего в братание, раздалось неожиданно-ожидаемое: «А ну попробуйте нашей самогоночки!» И вслед за стеклянным штофом с аппетитно плавающим перчиком внутри на столе появился тот самый «наркотик» из анекдота. Вкусно пахнущий. С желтоватой корочкой и розовыми прожилочками. Это подтянулись «узнаваемые». Хотя к полуночи одинаково узнаваемыми стали все участники стихийного торжества...

I didn't climb Mt. Everest

Дингбоче – пьяный ты или трезвый, усталый или отдохнувший – лучшее место, откуда можно наблюдать Ама-Даблам. Немного не дотягивающая до семитысячника, эта вершина, вместе с Мачипучаре, возглавляет перечень самых красивых гор Непала. Больше в Дингбоче смотреть не на что, да и незачем: любуйся Ама-Дабламом.

У горы Ама-Даблама
Солнце красное садится,
А на фото Далай-лама,
Мне сегодня плохо спится,
Да и хрен теперь уснётся,
Когда лёд замёрз в сортире,
Но пописать всё ж придётся
Встать хотя б часа в четыре.

У тебя, возможно, слякоть,
У меня ж одни высоты,
Очень хочется поплакать
От горняшки и икоты.
И снежок тут не весенний,
Монастырь – не новоселье,
Километр вниз – веселье,
Вверх – совсем уж не веселье.

Здесь Дабламы вам не дамы,
Эвересты не фиесты,
Лхоцзы вовсе не колхозы,
Аннапурны не шампуры...

Это не Александр Городницкий, это народное – вернее, наше, внутригрупповое творчество. От чувств, от впечатлений потянуло на стихосложение. В общем, Ама-Даблам чего описывать? Его надо видеть. Хотя бы видеть.

На долгом и нудном пути после Дингбоче схватила за горло и за мозг горняшка. В Лобуче, на высоте около пяти тысяч метров, мы принимали таблетки: вовсе не с похмелья – оно давно улетучилось, а чтобы избавиться от щемящей головной боли и немного поспать обычным человеческим сном...

Но вернёмся к фразе «I didn't climb Mt. Everest».

Именно такая надпись значится на сертификате, который вручают тому, кто... *не* покорил Эверест. *Не* провёл ни одной ночи в ЕВС. *Не* прокладывал маршрут по леднику Кхумбу. *Не* забирался в зону смерти. *Не* рисковал жизнью. Тем не менее сертификат очень почётный, этот лист бумаги я бережно храню и горжусь тем, что у меня их целых три, а один даже повесил на стену в московской квартире. Потому что свидетельствующая о *неподвиге* бумага заставляет даже обычного человека верить в себя, сильного и волевого, и в то, что следующие восхождения – пусть и *не* на высочайшую вершину мира и вообще *не* в горах – обязательно состоятся.

Хотите полный текст? Извольте!

«I did not climb Mt. Everest... but stepped it base camp cordially».

И дальше: «Mr. N had a once-in-a-lifetime experience of stepping on the Everest Base Camp and Kalapathar».

Раз в жизни... Читатель уже знает людей, которые покоряли Эверест неоднократно, но таких единицы. 99 процентов граждан мира никогда не увидят Мать – богиню Мира вживую и со столь близкого расстояния, для большинства оставшихся в подавляющем меньшинстве счастливых это произойдёт действительно once-in-a-lifetime.

Классно, да? Но только вот такая штука: из базового лагеря Эвереста вершина... не видна. Что, серьёзно? Вполне: её загораживает стена слабовыраженного по формам семитысячника Нупцзе. Зачем же тогда идти в ЕВС? Ладно, слушайте.

Итак, приём таблеток «от головы» в Лобуче, где до цифры пять тысяч не хватает лишь 70 метров. И переход на 5200, в Горак Шеп – последний стационарный лагерь на пути к Эвересту. «Gorak Sher» на шерпском языке означает «Мёртвый Ворон». С «мёртвым» правильно: лагерь и небольшая деревня шерпов расположены на берегу замёрзшего дна озера, покрытого песком. С другой стороны, «ворон» живёт полной жизнью и даже претендует на звание самого высокогорного постоянного селения в мире с самой такой же гостиницей. В общем, заходите, если что.

Организаторы трекингов поступают, на первый взгляд, не очень рационально: пришедшим в Горак Шеп путешественникам они дают порядка двух часов отдыха, а потом ведут в ЕВС. Но объяснение этому есть. Как бы ты паршиво себя ни ощущал на предыдущей стоянке, но к моменту прихода в «самый высокогорный» всё-таки «расходишься» и, посидев полчаса, чувствуешь какой-то запас сил. Но если тебе дать передых с ночёвкой, то утром... можешь и не встать. Не то чтобы совсем не встать, но не подняться для выхода вверх – будь то ЕВС или что угодно. Ну, мы и пошли в тот же день, что достигли Горак Шеп: на силе, на воле, на «расхоженности» – понимайте как хотите. С целью увидеть святая святых – место, откуда сверхчеловеки стартуют на сверхвосхождения. Увидеть и понять: там ничего нет... Первого октября, когда мы пришли в лагерь, там не было даже палаток – не сезон для восхождений. Лежали два остова испорченных или упавших вертолётов, и всё... Так зачем? Ну я же сказал: «святая святых». Once-in-a-lifetime.

С нами отправился сирдар и *не* пошли двое сопровождающих – *специальных* людей, назначенных Махендрой. Они не были альпинистами, а касательно посещения ЕВС предполагаю, что оказались здесь в первый раз. Для чего же их приставили? Для того чтобы «решать вопросы» на маршруте, что они успешно делали. Но в Горак Шеп «специальные» откровенно сломались, и в ЕВС мы ходили без зоркой опеки.

Если же говорить о суперинтересном событии за пределами лагеря Матери – богини Мира, то это подъём на упомянутую в сертификате обзорную вершину Калапатар. Да, утром тебя ломает не по-детски. Специальные люди по-прежнему влётку, да и мы не намного лучше. Но собираем остатки воли в комок и карабкаемся по склону ещё 300 метров вверх, чтобы... Чтобы опять ничего не увидеть, если придут облака. Три моих подъёма сюда в разные годы разложились «по совести»: один –

в тумане, второй – с очертаниями гор, третий... – вот этот раз был счастливым третьим! Мы оказались на площадке 5545, откуда видно *все*: глыбу Эвереста; пик Нупце – семитысячник, который в результате «обмана зрения» смотрится выше Джомолунгмы; и, напротив, уменьшенную тем же эффектом «верхушечку» той самой драматической Лхозце. За нашей спиной, совсем близко – семитысячный Пумори, справа вдали – Ама-Даблам.

Эмоции? Я довольно излагал про эмоции. Они, конечно, присутствовали. И в отличие от покоящихся Эверест суперменов, нам не нужно было, не успев насладиться вершиной, бежать вниз во избежание замерзания и смерти. А здесь, на Калапатаре, выглянуло солнышко, и мы, переполненные восторгом, достали мужские туалетные принадлежности и стали... бриться, прощаясь с выросшими за дни путешествия бородами. Обстоятельно намыливаясь, неторопливо вода лезвием по щекам, опрыскиваясь парфюмом и похлопывая гладкую кожу ладошкой.

Король уехал

Махендра снова встречал нас в аэропорту Катманду. Вежливо поинтересовавшись успехами на маршруте, он сразу перешёл к *остальному*.

– Надеюсь, друзья, вы взяли из Москвы костюмы и галстуки для участия в официальных мероприятиях?

– Конечно, взяли, – дружно ответили мы, поскольку были предупреждены об этом заранее. – О каких мероприятиях идёт речь?

– О съезде NRNA – Всемирной ассоциации непальской диаспоры, он открывается сегодня.

Так мы узнали, что хозяин «Кукушки» является ещё и председателем Координационного совета Ассоциации зарубежных непальцев-соотечественников. И заодно лицезрели совсем другой, неизвестный нам ранее Непал. Блеск очередного пятизвёздного отеля вместе с пятьюстами ухоженных и прекрасно одетых представителей нации из других стран резко контрастировал с запылённым, загазованным, бедным пространством непальской столицы всего в нескольких километрах отсюда.

Однако это не стоило называть «пиром во время чумы», скорее, напротив: собравшиеся искренне желали сделать «чуму» если не «пиром», то хотя бы приличной столовой. Участники съезда единодушно проголосовали за создание Фонда помощи стране и сразу же решили вложить в этот Фонд по несколько тысяч долларов персонально с каждого делегата. Над головой президиума висел крупный плакат с надписью «For Nepali by Nepali».

Оценив благородные намерения богатой и почтенной публики, разбираться в сути которых в наши задачи не входило, мы вкусили в перерыве между заседаниями чудодейственных коктейлей, которые приятно цепляли за мозги и вряд ли содержали кукри-ром, а затем вернулись в зал. В концертной части съезда вместо знакомых нам непальских плясок-дудок-барабанов был предложен эксклюзив – пластичная, с огромными глазами, обритая наголо певица Ани Чоинг Дролма.

Честно признаюсь: спроси любого из нас накануне, кого из непальских исполнителей песен знает, ответ получился бы предсказуемым: никого. Теперь же появилось пусть и одно имя, но такое, что запоминается надолго. Необычность аранжировки буддистских песнопений дополнялась биографией исполнительницы: простая семья, жестокий отец, угроза раннего замужества и уход в монахи. Но именно монастырь помог девушке раскрыть свой талант: Ани Чоинг Дролма попала в послушницы к знаменитому ламе, который научил её традиционному пению. Начав сольную карьеру в 1990-е, молодая непалка к нашему приезду стала звездой мирового уровня.

На съезде и на великолепном банкете в парке после завершения сессий Махендра чувствовал себя... Сказать, что «как дома»? Будет неточно. Просто «дома»? Вновь слабовато. Махендра ощущал себя *хозяином дома*. Он запросто знакомил нас с правительственным кабинетом: вот это – министр финансов, а это – туризма, а этот отвечает за сохранение окружающей среды...

Начиная постепенно приходить в себя после «прогулки» под Эверест и вдоволь насладившись VIP-непальским гостеприимством, я задался вопросом: «А где же...?» Но махнул рукой и спрашивать не стал.

Но во второй день съезда ситуация, как говорится, разрешилась сама собой: в президиуме появился принц Пар с супругой. Тот самый принц Пар? – спросите вы. Да, тот самый, всё сходится. Крупный, вальяжный, улыбающийся и вполне довольный собой принц зачитал делегатам съезда приветствие короля Гьяна.

Я перестал слушать делегатов и караулил сидевшего в президиуме рядом с Паром Махендру – тот периодически уходил по своим делам за кулисы. Наконец поймал хозяина «Кукушки» плюс какой-то существенной, невидимой «над водой» части Непальского королевства и спросил:

– Господин Махендра, мы так благодарны вам за путешествие, интересные и полезные встречи. Но можно ли выполнить вот какую просьбу – встретиться и побеседовать с принцем Паром?

– Конечно! После заседания у нас намечено фотографирование почётных гостей вместе с принцем и правительством. Вы, разумеется, в их числе.

Фотографирование состоялось, и, после того как фотоаппараты отщёлкали положенное, я подошёл к Пару и представился. Принц был вежлив и доброжелателен, сказал даже, что готов исполнить любое моё желание. Восток, он и в Непале восток.

– Я хотел бы поговорить с вами, ваше высочество, о *тех* событиях...

– Каких «тех»?

– Первого июня 2001 года.

Пар мгновенно посерьёзней и, плохо скрывая недовольство, отрезал:

– Я не даю интервью по этому вопросу.

Коротко поклонился и вышел.

У меня будто заноза сидела в одном месте, я вообразил себя Шерлоком Холмсом, раскрывающим очередное и самое запутанное дело. Вновь зацепившись за всегда доступного Махендру, я сформулировал перед ним совсем уж дерзкую задачу – увидеться с королём Гьяном.

– Вы хотите посмотреть дворец? Но мы же планировали завтра взять самолёт для осмотра Эвереста с воздуха.

– Спасибо, вроде налетались...

– Значит, полёт отменяем и едем во дворец?

– Да, и желательно встретиться с королём.

– Х-м... Я попробую.

Махендра в который раз подтвердил свою влиятельность: на следующий день мы поехали во дворец Нараянхити, доступ в который был открыт лишь для избранных. Через несколько охраняемых вооружёнными гурками проходных, сквозь высокий забор, мимо огромных деревьев с висящими на них летучими собаками «бэтс» мы вошли в комплекс зданий, напоминающий собой многоуровневую буддистскую пагоду. Внутри дворца Махендра, как обычно, взял на себя роль одновременно экскурсовода и хозяина и показывал нам достопримечательности. Смотрите, вот венец непальских королей: в нём присутствуют перья павлина, волосы яка и драгоценные камни. А этот ковёр сделан из кожи тигра. Здесь – залы приёма гостей, а здесь – комнаты для сопровождающих...

– Но где же сам король?

– Ах, да, король... Король, к сожалению, уехал в Покхару.

– И принц Пар?

– Да они поехали вместе.

– Можно ли осмотреть парк?

– Зачем вам парк?

– Здесь душно, хочется подышать свежим воздухом.

– Конечно-конечно...

В парке я искал... Нет, *тех* сооружений уже не было. Как и того дивана, который переворачивал Пар, спасая от выстрелов принца Дипа мать, нынешнюю королеву Ком. Но сохранились стены основных зданий, на которых отчётливо виднелись следы от пуль.

Огибая дворец, мы наблюдали, как автомобильный кортеж покидает территорию Нараянхити. Всё сходилось: король, видно, по сложившейся традиции, уезжал в Покхару...

Спустя несколько дней, прощаясь и выражая Махендре слова признательности, я спросил хозяина «Горбушки»:

– Почему вы вкладываете деньги в Россию?

– Потому что мы любим Россию.

– Кто «мы»?

– Я и король.

– Вот как?! Значит, на нашей родине работают королевские деньги?

- Да, работают.
- Россия – самая выгодная страна для вложений?
- Безусловно, – засмеялся Махендра. – Вместе с Белоруссией, Индией, Кипром, Камбождей, Танзанией – да что ж я вам буду перечислять все выгодные страны!
- А сколько времени вы отводите существованию монархии в вашей стране?
- О, недолго! Думаю, года три, – с поразительным спокойствием и даже улыбкой ответил Махендра.
- И тогда ваш совместный с королевской семьёй бизнес «накроется»?
- Ну что вы! Всё останется как есть!

ЭПИЛОГ

Горячий камень

Жил-был я. Жил уже давно, немало видел и хватил всякого, хорошего и плохого. Побаливали суставы ног, давали себя знать сломанные рёбра, утрачивалась прежняя гибкость. Алкоголь уже не приносил веселья. Сюжеты действительности перестали делиться на чёрные и белые, а люди – на друзей и врагов, не так остры стали ощущения радости и горя. А зря: жить в контрасте было интереснее и проще!

Однажды на улице в Катманду у меня порвался ботинок – зацепился за что-то острое. Я остановился и с неудовольствием рассматривал повреждённую кожу. Тут ко мне подскочил мальчик и на ломаном английском языке предложил услугу по мгновенному ремонту. «Ладно, давай», – согласился я, а мальчик достал простейший набор из нитки с иголкой, сделал несколько стежков и с добродушной улыбкой протянул мне ботинок. «Н-да, быстрая, но пустая работа», – с такими мыслями я сунул пацану доллар.

– No, no, sir, good job, – заявил «сапожник», – ten dollars.

– Ты что, парень, какие десять долларов?!

Мальчик прицепился ко мне и не отставал. Стоило просто дать ему пинка и удалиться, но я поступил по-другому: бросил десятидолларовую бумажку себе под ноги. Укоризненно глядя на меня, мальчик бумажку подобрал...

Я наблюдал его и позже – пацан так и вертелся возле отеля. Грязный, худой «спекулянт». Хотя и сам я виноват: прежде чем получать услугу от непальца, надо непременно заранее обговорить цену. Потом, проезжая по улочке на велорикше, я случайно увидел и жилище мальчика – вход в лачугу закрывали лишь занавески, в тот момент раздвинутые. Не знаю насчёт папы, но маму мальчика и кучу маленьких детей я застал. Мой настырный «предприниматель» приносил им скромную еду: рис, лук, морковь, воду. Еды явно не хватало, и мама горестно взмахивала руками. Мальчик что-то обещал в ответ и снова уходил за добычей.

Во мне шевельнулись иные, далёкие от возмущения несправедливой сделкой чувства, я сам купил еды и вечером принёс её в эту семью. Мальчик, его звали Ишвар, тоже посмотрел на меня другими глазами и клятвенно заверил, что теперь будет ремонтировать мою обувь или одежду бесплатно. Улыбнувшись, я отказался, поскольку порванные ботинки выбросил и купил другие. Попрощался и ушёл в отель.

Утром следующего дня Ишвар ждал меня у входа в гостиницу. Я, было, достал ещё десять долларов, но мальчик с достоинством отказался. Между нами состоялся следующий диалог.

– Сэр, вы были добры к нашей семье, и теперь наступила моя очередь сделать доброе дело.

– Спасибо, я очень тронут.

– Сэр, я вижу, что вам уже много лет, и я хочу помочь вам снова стать молодым.

– Однако! Каким образом?

– Вы, наверное, знаете, что в Катманду есть ступа Сваямбунатха?

– Конечно, знаю.

– Но не знаете про страну Агартху...

Это было слишком! Нищий мальчик знает про страну Агартху? Что тут подумать...

– Я знаю про Агартху! Ты хочешь мне показать, где она находится?

– Да, сэр, вход в неё расположен на Обезьяньем холме, рядом со ступой.

Вот как! Это что, какая-то разводка? Может, мальчик по-прежнему на меня обижается? Или это игра? Что ж, рискнём сыграть...

– Я слышал, что через Агартху можно вернуться в прошлое. Но разве вход доступен для всех?

– Нет, сэр. Я пошёл туда вместе со своим отцом – он хотел заглянуть в Агартху, чтобы вернуть собственную молодость и сделать нашу семью счастливой. Отец не вернулся. Но, показав мне дорогу в Агартху, он сказал: этот вход открывается только тогда, когда боги посылают нам свой знак – грозу, молнию, падение метеорита, солнечное затмение.

– Как же ты покажешь мне вход, когда всё спокойно?

– Ждите, сэр! Когда будет знак, – я предчувствую, что он поступит скоро, – я обязательно приду за вами.

Сдерживая улыбку, я продолжал любопытствовать:

– Хорошо, я войду туда, и что? Увижу тысячу дверей?

– Вы знаете и про тысячу дверей?

– Да, знаю.

– Вам не стоит заходить в эти двери. Прямо у входа лежит камень. На нём высечены мантры. Следует обязательно взять с собой рукавицы, потому что камень горячий. Вам потребуется только унести камень из Агартхи.

– А что написано на камне?

– Прежде чем остаться в Агартхе навсегда, отец крикнул мне содержание надписи, а я записал, чтобы не забыть.

Ишвар достал из кармана скомканную бумажку, развернул её и прочёл: «Кто поднимет этот камень на площадку перед храмом Сваямбунатха и там разобьёт его на части, тот вернёт свою молодость и начнёт жить сначала».

Смешно. Что-то такое я читал в детстве. У одного советского писателя. Неужели его знает и мальчик, а теперь рассказывает мне красивую и грустную сказку про горячий камень? Ну ладно, не буду заморачиваться...

Восхождения нынешнего весеннего сезона я завершил и собирался обратно в Москву. Ещё два дня гуляний и покупок в Катманду – и вылет домой. Вечером мы посидели компанией в «Garden of dreams» и вернулись в отель на ночлег. Какой знак, какая Агартха?!..

Но *это* случилось. Вы ждёте, дорогой читатель, чтобы я назвал конкретный день? Я назову. И день, и час. Это произошло утром 25 апреля 2015 года.

Мы проснулись не слишком рано и неспешно позавтракали. Ну что, прощальный пробег по Катманду? Пожалуй! А куда? Несмотря на вполне обозримые размеры города, я в каждый приезд ловил себя на том, что чего-то так и не посмотрел. Неужели оставшиеся без моего внимания объекты удастся выявить и на этот раз? Да, так и получилось. И мы направились к открытой для посещения башне Дхарахрахара, построенной ещё в 30-х годах XVIII века.

В малоэтажной непальской столице башня считалась почти высотной – целых шестьдесят два метра. По винтовой лестнице из 213 ступеней мы поднялись на смотровую площадку и, в который раз вообще и в первый – с этого места, посмотрели на долину Катманду. Спокойный город дымил, шумел, переливался цветными красками...

Спустились, отошли метров на триста и... Повело. Такое ощущение бывает разве что после «литра выпитой», да и то ускоренными темпами. Закружилась голова, равновесие нарушилось, земля «загуляла» под ногами как живая.

«Загуляла» и башня. Начав зримо шататься, блестящий на солнце пятиметровый шпиль отломился и полетел вниз; вслед за ним всё сооружение стало раскалываться и оседать по кускам. Мозг отказывался верить в реальность происходящего: картина точь-в-точь напоминала компьютерный мультфильм. Качались деревья и дома, а люди внезапно прекращали передвижение и скапливались в кучи.

Это гораздо позже стало известно, что апокалипсис продолжался лишь несколько десятков секунд, но во время наступившего *ничто* никто не мог понять, сколько времени длится кошмар и сколько ещё предстоит его вытерпеть. А голова начинала в сверхскоростном режиме анализировать случившееся. На что из виденного ранее это похоже? Пожалуй, на лавину в горах. Гром,

толчки, снежная пыль... Но где тут снег и где горы? И пыль вовсе не снежная. В следующие доли секунды мозг выдвинул следующую версию – ядерный взрыв! И сразу же её отнёс: если уж такое где произойдёт, не дай бог, то уж точно не в Катманду. И наконец, вместе с собственным просветлением послышались крики туристов: «Earthquake! Earthquake!! Earthquake!!!» Да, это было землетрясение.

Мысли мгновенно сменяли одна другую. Однако, судьба! В башне могли быть и мы... Люди! Там же остались десятки людей... Что делать?!

Видимо, начал работать инстинкт, который зовёт человека к своему дому, пусть и временному. С нашим такси ничего не случилось, водитель не уехал и в панике бегал рядом с машиной, мы прыгнули в кабину и помчались в Тамел. Толчки прекратились, но нас то и дело будоражили звуки, похожие на выстрелы, однако вскоре мы вздохнули с облегчением: это многочисленные торговцы захлопывали металлические жалюзи на лавках...

По дороге встречались возникшие на асфальтовом покрытии большие разломы. Трещины виднелись и на старых зданиях. Некоторые заборы повалились. Рухнули палатки, навесы, покосились крыши на хрупких зданиях. Болтались порванные провода. Незыблемым, фундаментальным чудом смотрелся окружённый высоким забором королевский дворец Нараянхити – теперь общедоступный музей. В комплексе не было заметно ни единого повреждения, только тысячи белых цапель, ворон, «бэтс» оторвались от веток и зловеще, ужасающе кричали, каркали, пищали в дымном и пыльном небе. По-прежнему неспешно и торжественно возносили пепел к небу погребальные костры в храме Пашупатинатх, будто бы ничего и не происходило. В сознание на смену экстремальному прилетало философское: а что может измениться у тех, для кого смерть уже произошла...

Отель стоял как ни в чём не бывало, повалились только вазоны с цветами и расплескалась вода из бассейна. Менеджеры находились рядом и убеждали нас временно не заходить в здание. Острой необходимости в этом и не было, поскольку деньги и документы мы всегда носили при себе. Остальное же, когда мгновения назад вопрос стоял о жизни и смерти, временно не имело значения.

На всякий случай не отпускаем такси, да автомобиль и не стремится уехать, даже напротив: не зная, что предпринять, молодой водитель-непалец жмётся к нам, видимо, ощущая себя при этом в большей безопасности.

И тут – всякого, конечно, следовало ожидать, но не этой сбывающейся фантазмагии: ко мне подбежал мальчик Ишвар.

– Поедьте скорее! *Это* будет там! *Это* произойдёт сейчас!

Всё рациональное во мне исчезло. В отключённом от реальности гипнотическом состоянии я показал мальчику на машину, и мы тронулись к Сваямбунатхе. По дороге попало целиком рухнувшее четырёхэтажное здание, в облаке летающего мусора мы объезжали груды кирпича, бетонные перекрытия, обломки досок. В этом хаосе появилось множество незаметных в обычный период полицейских, которые – чудо! – не паниковали, а энергично выполняли свою работу: отвечали на вопросы, регулировали движение, помогали собрать разбросанные вещи. Множество стихийных или организованных спасателей – по внешнему виду этого было не понять – сновали между домов в поисках пострадавших, переносили их, оказывали первую помощь.

Уже издали стало очевидно: венчающий Катманду священный буддистский храм Сваямбунатха на Обезьяньем холме, к которому мы направлялись, устоял. Не замечалось следов разрушений и вблизи, лишь полчища обезьян с визгом прыгали по деревьям и носились по округе, отчего ощущение кошмара не улетучивалось.

В переводе с непальского слово «сваямбху» означает «возникшая сама по себе». Сваямбунатха – самая священная ступа в Непале. Как говорил Его Святейшество Далай-лама XIV, ступа Сваямбу – источник счастья для всего мира. Распространено предсказание, согласно которому начнётся упадок буддизма, «когда два клыка придут есть ступу». «Клыки» – это индуистские храмы – мандиры, построенные возле ступы, по форме и цвету действительно напоминающие клыки.

Мы с Ишваром подходим к началу крутой лестницы из трёхсот ступеней и начинаем подъём к ступе. В этот момент раздаётся второй подземный толчок. Редкий обезьяний визг сразу становится массовой одуряющей какофонией; каменная лестница извивается, словно живая змея, с деревьев на холме летят ветки и листья...

Один из «кльков» – мандиров рядом со ступой внезапно складывается гармошкой и рассыпается в горку разбитых кирпичей. Пространство возле ступы раздвигается, и перед глазами возникает тёмная мерцающая глубина...

Из сводки геологических служб:

«...Причиной землетрясения явилось внезапное высвобождение накопленных напряжений на линии геологического разлома, где Индостанская плита медленно погружается под Евразийскую. Город Катманду, стоящий на блоке земной коры размерами примерно 120 на 60 километров, в результате землетрясения сдвинулся на три метра к югу...»

– Смотри, смотри, вот он, вход! – закричал Ишвар.

Я увидел вход в Агартху. И череду светящихся дверей. И тени. Мориса. Эда и Тена. Володи. Короля Бира и принца Дипа. Гауптмана Грота и капитана Гусева...

И камень. Да, камень лежал у входа. Я поднёс к нему ладонь и даже на расстоянии почувствовал – камень и вправду был горячим.

– Что же ты медлишь? – затормозил меня Ишвар и протянул рукавицы. Мы подхватили камень, положили его на мою куртку и с трудом, то и дело отдыхая, оттащили его к ступе. На камне действительно виднелись высеченные мантры.

– Теперь разбей его! – за спиной у мальчика висела заранее припасённая кирка.

Я взял кирку, повертел её в руках; подумал, сколько ударов потребуется, чтобы разбить прочный камень. Да, пожалуй, его всё-таки можно разбить. И... протянул кирку мальчику. Ишвар приостановил движение моих рук и выжидающе поднял на меня глаза. Он подумал, что я предлагаю разбить камень ему:

– Нет-нет, вы должны сделать это сами!

Тогда я положил инструмент на землю.

– Ты, конечно, думаешь, что я стар и несчастен.

Но представь: я стукну по камню и начну жить сначала. «Э-э-э, – скажут соседи, увидев меня помолодевшим. – Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет всё начинать сначала».

Да, я тонул, но выплыл.

Я замерзал, но согрелся.

Я ломал кости, но они срослись.

Я видел величайшие в мире горы и равнины, моря и океаны.

Я знал лучших в мире женщин.

Я воспитал детей, которыми горжусь.

Это ли не счастье?

Тебе, Ишвар, хочется узнать путь к счастью? Один умный человек по имени Тенцзин поведал мне, что пути к счастью нет. Само счастье и есть путь...

Подземные толчки прекратились. Плита у ступы встала на своё место, вход в Агартху закрылся. Но камень остался лежать наверху. Неразбитым. Люди смотрели на камень, размышляли, качали головой и шли своей дорогой. Наверное, они думали так же, как и я. А может быть, не могли понять смысл надписи.